

СЛУГА БЫЛОГО ВРЕМЕНИ.

Памяти моего Тимофея ¹⁾.

Симбирскую губернію Императоръ Николай Павловичъ не долюблялъ и называлъ губерніей отставныхъ поручиковъ, потому что независимые дворянскіе волгари, дослужась до чина поручика, не желали, обыкновенно, тянуть тяжелую лямку военной службы и спѣшили выйти въ отставку. Честолюбіе или, скорѣе, тщеславіе не прельщали ихъ и, не добиваясь дальнѣйшихъ чиновъ и отличій, они предпочитали имъ независимую жизнь, которою пользовалась бывшее обеспеченное дворянство.

Т. б. Въ этой «дворянской» губерніи, какъ называли тогда Симбирскую, въ половинѣ прошлаго столѣтія, жили три брата Л. Они приходились дядями моей первой жены, но старшаго, Дмитрія Петровича, я не зналъ вовсе: когда я женился, онъ былъ уже въ могилѣ; но слышалъ однако о немъ много разказовъ, какъ о замѣчательномъ игрокѣ и, несмотря на это, честнѣйшемъ человѣкѣ, который, послѣ поѣздокъ въ Казань, возвращался часто чуть не Крезомъ, а подчасъ въ наемномъ тарантасѣ, безъ гроша. Среди анекдотовъ о немъ помню одинъ забавный.

Онъ жилъ съ матерью, которая его обожала. Разъ онъ играетъ у себя дома, мечетъ банкъ и мечетъ страшно несчастливо. Старушка-мать нѣсколько разъ подходила къ нему сзади, сокрушалась несчастливой игрой и такъ же неслышно удалялась, какъ и приходила. Сокрушалась и, наконецъ, не выдержала: рѣшилась помочь сыну, а чтобы счастье перемѣнилось—вѣрнѣйшее средство, какъ

¹⁾ Изъ воспоминаній автора, озаглавленныхъ: «Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ».

извѣстно, въ сидѣнье стула игрока снизу воткнуть булавку. Ушла къ себѣ, незамѣтно возвратилась съ булавкой и рѣшила повернуть счастье въ пользу дорогого сына. Какъ на грѣхъ, стулъ оказался плетенымъ и банкометъ съ громкимъ крикомъ вскочилъ, какъ ужаленный.

Картина.

И, представьте, рассказывали мнѣ, счастье дѣйствительно перемѣнилось въ пользу несчастнаго ужаленнаго.

Второй братъ, Евгеній Петровичъ, служилъ когда-то въ артиллеріи, вышелъ въ отставку и женился уже пожилымъ на молодой красивой женщинѣ. Это былъ добрѣйшій, незлобивѣйшій, безхарактерный человѣкъ. Жена-красавица злоупотребляла его безконечной добротой и, по слухамъ, ни мало не затруднялась украшать голову добряка многогѣтвистыми рогами.

Увѣряли, что это не было тайной для самого мужа, который относился къ шалостямъ жены, да впослѣдствіи и къ ней самой, съ стоическимъ равнодушіемъ.

Разъ, говорилъ мнѣ его любимый племянникъ, студентъ, иду я съ дядей Евгеніемъ по Невскому. Онъ, какъ всегда, говорить очень громко, ни мало не стѣсняясь проходящей публикой. Встрѣчаемся мы съ нарядной дамой и онъ громогласно объявляетъ:

— Вотъ накружилась-то.

— Полноте, дядя, останавливаю я его, видя, что дама несомнѣнно услышала нелестное на ея счетъ замѣчаніе.

— Ну что ты будешь со мною спорить! отвѣчаетъ онъ, понимая мои слова, въ смыслѣ несогласія съ нимъ, относительно накруженности.—Я, братъ, это дѣло вотъ какъ понимаю: жена, вѣдь каждый день часа два сидитъ передъ зеркаломъ и красится. Такъ мнѣ лучше знать, а ты споришь.

Третій братъ, Василій Петровичъ, то же былъ военнымъ, но вышелъ въ отставку молодымъ и женился на дочери очень богатаго откущика, женщинѣ образованной, но очень тонной. Жили они широко, занимали особнякъ и давали балы.

Разъ приходитъ ко мнѣ Василій Петровичъ.

— Возьмите вы, Александръ Николаевичъ, моего бывшего денщика говорить онъ.—Прекрасный человѣкъ, но жена его не выносить за наружность. Некрасивъ, говорить, и рѣшительно не желаетъ, чтобы онъ служилъ у насъ.

— Да что же онъ, квазимодо, что ли?

— Квазимодо, не квазимодо, но Адониса то же не напоминаетъ.

— Ну, пришлите его, если человѣкъ дѣйствительно хорошій.

«Да, Адониса, дѣйствительно не напоминаетъ», подумалъ я на другой день, глядя на представшаго предо мною Тимофея. Особенно носъ его подгулялъ. Былъ немножко, какъ будто, пришибленъ. Но глаза пришедшаго смотрѣли ясно; взглядъ открытый; возрастъ—около 30-ти; одѣтъ онъ былъ прилично; средняго роста—ни малъ, ни великъ. Женѣ, разумѣется, не понравился, но мнѣ какъ-то чудился въ немъ дѣйствительно хорошій человекъ. При томъ, человекъ несчастный, гонимый за невзрачную физиономію. Я его оставилъ у себя.

Вступилъ онъ въ исполненіе своихъ обязанностей; исполнялъ ихъ усердно. Сетеровъ моихъ не билъ, обращался съ ними кротко и даже съ отгѣнкомъ любви, хотя неизмѣнно носилъ внѣшность крайне суровую и если я заставлялъ его, невзначай, ласкающаго охотничьяго пса и любовно на него смотрящаго, при появленіи моемъ, онъ принималъ строго-суровый видъ.

Вообще, вскорѣ я усмотрѣлъ, что, сквозь неизмѣнную суровость наружности, этотъ человекъ былъ добрѣйшимъ существомъ, склоннымъ на самую прочную привязанность.

Началась охота, онъ былъ неизмѣннымъ моимъ спутникомъ, и у насъ установились самыя пріятельскія отношенія.

Отношенія эти съ его стороны выражались, впрочемъ, въ неизмѣнно суровой заботливости ко мнѣ, а съ моей—въ добродушно-привѣтливомъ обращеніи, прерываемомъ подчасъ проявленіями необузданной вспыльчивости.

Какъ ни старался я обуздывать эту вспыльчивость, но, пока былъ молодъ, она часто давала себя знать и заставляла искренно каяться.

Вообще съ прислугой, по самой натурѣ моей, я не могу обращаться иначе, какъ привѣтливо. Я не могу не сказать спасибо, послѣ того, какъ человекъ далъ мнѣ умыться или подаль стаканъ воды. Во всѣхъ случаяхъ жизни не могу становиться на ходули и, склонный къ юмору и шуткѣ, не могу не шутить и съ прислугой, чѣмъ, конечно, страшно ее порчу, за что и получаю выговоры домашняго своего начальства. И вмѣстѣ съ тѣмъ, даже до сихъ поръ, несмотря на все желаніе и работу надъ собой—подавить въ себѣ природную вспыльчивость, я въ состояніи выбрать человека, а моего дорогого покойнаго Тимофея, прослужившаго у меня слишкомъ пятнадцать лѣтъ, два раза, на охотѣ, даже ударилъ.

Мнѣ стыдно объ этомъ вспомнить до сихъ поръ и сознаюсь въ этой гнусности, чтобы нѣсколько облегчить укоры совѣсти. Смягчающимъ обстоятельствомъ можетъ служить развѣ то, что это слу-

чилось въ первые два года службы Тимофея, когда я былъ еще совсѣмъ молодъ и не всегда могъ справиться съ темпераментомъ, а, главное, что случилось это на охотѣ.

На охотѣ же истинный, горячій охотникъ совсѣмъ теряетъ голову, теряетъ до такой степени, что даже крѣпостной-доѣзжачій въ состояннн обозвать своего собственнаго барина непечатнымъ словомъ и пригрозить арапникомъ, какъ это передаетъ Левъ Толстой въ своемъ художественномъ, несравненномъ описаннн охоты Ростова (Война и Мирь). Но если выберу человѣка или просто упрекну несправедливо, всегда считаю обязанностью извиниться предъ нимъ въ совершенной несправедливости.

И благодаря этому, несмотря на горячность, не могу сказать, чтобы прислуга меня ненавидѣла.

Не могу сказать также, чтобы шутки и панибратство съ прислугой очень сильно роняли авторитетъ мой; по крайней мѣрѣ проявленнямъ грубости я подвергался довольно рѣдко, быть можетъ оттого, что въ молодые годы взбѣшенный, говорятъ, я былъ просто страшень. Помню того же Тимофея, какъ въ первый годъ его службы онъ позволилъ себѣ какую-то дерзость. Я наскочилъ на него съ крикомъ, готовый убить, и вдругъ вижу лицо до такой степени поблѣднѣвшее и испуганное, что руки мои сразу опустились. И такъ случалось не разъ въ моей жизни. Съ Тимофеемъ же одного этого опыта было достаточно на всю его службу. Не позволяя себѣ дерзостей, онъ обращался со мною однако крайне сурово и, по прошествнн нѣсколькихъ лѣтъ службы, неизмѣнно старался мнѣ доказать, что человѣкъ я крайне недалекій.

Къ тому времени, признаться, оба мы были другъ о другѣ одинаковаго мнѣнн: я убѣдился, что это превосходнѣйшнй, благороднѣйшнй человѣкъ, именно—благородный, но ума не Богъ знаетъ какого; онъ также считалъ меня человѣкомъ совсѣмъ недурнымъ и также ума далеко ниже средняго. Разница заключалась лишь только въ томъ, что я, по горячности, раза два въ годъ называлъ его дуракомъ, а онъ, по ворчливости стараго слуги, докладывалъ мнѣ чуть не ежедневно свое невысокое обо мнѣ мнѣнн.

— Нешто у насъ, какъ у людей, ворчалъ онъ, особенно по утрамъ, подавая мнѣ умываться²⁾ и, несмотря на протесты мои, помогая одѣваться.— Нешто у другихъ, у умныхъ-то, такъ дѣлается? Васъ кругомъ обкрадываютъ, а вы нешто видите. Вонъ что у васъ дѣлается

²⁾ Къ чистотѣ умывальниковъ съ педалью всегда питалъ большое недовѣрнн. Умывать лицо изъ таза, на заграничный манеръ, также не люблю.

Андрей (мой лѣсной приказчикъ)? А онъ все у васъ въ миленькихъ со-
стоитъ.

Вообще я началъ замѣчать, что Тимофѣй ревнуетъ меня, и рев-
нуетъ не на шутку, къ приказчику моего лѣсного имѣнія—Андрею
Павлову, честнѣйшему (въ быломъ) человѣку и достаточно толко-
вому, чтобы вести хозяйство; въ данной мѣстности довольно слож-
ное. Я жилъ тогда въ Павловскѣ, на своей дачѣ, и частенько ѣздилъ
вдвоемъ съ неизмѣннымъ Тимофеемъ въ лѣсъ за 26 верстъ на охоту
и просто такъ, чтобы посмотрѣть на хозяйство.

Разъ сажусь въ телѣжку, беру возжи и вижу Тимофѣя, какъ-то
особенно мрачно настроеннаго. Ѣхать 26 верстъ, сидѣть рядомъ съ
человѣкомъ и не разговаривать—скучно. Завожу разговоръ. Одно-
сложные отвѣты. Попытался еще—неудачно. Попробовалъ помол-
чать: скучно. И скучно особенно потому, что вижу лицо крайне
недовольное, суровое, больше чѣмъ когда-либо.

— Да что съ тобою, Тимофѣй?

Молчить.

— Да что съ тобою? Какая муха тебя укусила?

И вдругъ вижу на глазахъ его слезы.

— Да что съ тобою? повторяю я еще разъ.—Горе у тебя, что ли,
какое?

И, удивленный до послѣдней степени, слышу сквозь рыданія:

— Для васъ Тимофѣй—послѣдній человѣкъ. Вы все Андрей,
да Андрей. Только свѣту у васъ, что Андрей, а Тимофѣй—что? По-
слѣдній человѣкъ для васъ Тимофѣй.

— Да ты помѣшался, что ли? Выпилъ что ли?

— Вы, пожалуй, и это скажете, что пьянствовать началъ, хотя
кажется пьянымъ никогда не видали. Андрею, небось, этого не
скажете.

И сквозь рыданія продолжалъ свои упреки.

Нечего дѣлать, пришлось успокаивать.

— Да Господь съ тобою, Тимофѣй. Ты же знаешь, что я къ
тебѣ расположенъ. Развѣ я обращаюсь съ тобою, какъ съ лакеемъ?
Вѣдь я обращаюсь съ тобою по пріятельски, а если и выругаю
иногда и то, вѣдь, рѣдко—ужъ натура моя такая, справиться не
могу. Перестань, Господь съ тобою. Андрея я, дѣйствительно, счи-
таю прекраснымъ человѣкомъ, но ты, конечно, ближе мнѣ, чѣмъ
онъ. И такъ далѣе, въ этомъ родѣ.

Насилу успокоилъ, и доѣхали мы въ лѣсъ опять пріятелями.

Разъ онъ близокъ былъ къ самоубійству и вотъ по какому
поводу.

Посылаю я его какъ-то въ Спб. Общество взаимнаго кредита отнести туда 8.000 рублей. Отдавая ему деньги, внимательно пересчиталъ самъ и заставилъ его также пересчитать.

Общество занимало тогда скромное наемное помѣщеніе по Екатерининскому каналу у Казанскаго моста. Возвращается мой Тимофей и спрашиваетъ—сколько денегъ я ему далъ?

— Какъ сколько? Я при тебѣ пересчиталъ и тебя [пересчитать заставилъ—восемь тысячъ.

— Нѣтъ, семь тысячъ девятьсотъ.

— Какъ семь тысячъ девятьсотъ? При тебѣ же я считалъ и тебя пересчитать заставилъ.

— Не могу знать—семь тысячъ девятьсотъ, такъ и приняли. Я три раза заставилъ пересчитать въ кассѣ.

— Не понимаю, право. Ну ты могъ обронить пачку въ тысячу рублей, а какъ же сотню оборонилъ? Да гдѣ ты вынималъ деньги изъ кармана?

— На лѣстницѣ еще вынулъ.

— Зачѣмъ же на лѣстницѣ? Совсѣмъ не понимаю. Повторяю, что тысячную пачку, всю пачку, могъ обронить, а какъ же сто-то рублей исчезли?

Дѣйствительно дѣло казалось очень страннымъ, потому что въ честности Тимофея за тѣ пять-шесть лѣтъ, которыя онъ прослу-жилъ у меня, я убѣдился вполнѣ.

Къ вечеру приходитъ горничная и говоритъ, что Тимофей не обѣдалъ, сидитъ и плачетъ. Пошелъ къ нему.

— Что съ тобою? спрашиваю.

— Да вотъ вы думаете, что я укралъ у васъ сто рублей, а я, между тѣмъ, какъ передъ Богомъ.

— Да, Господь съ тобою, развѣ я говорю тебѣ, что ты укралъ. Говорю, что ты розиня. Что съ деньгами не умѣешь обращаться, а подозрѣвать тебя и не думалъ.

Насилу нѣсколько успокоилъ его увѣреніями, что мнѣ и въ голову не приходило подозрѣніе въ его честности.

Тѣмъ не менѣе, на другой день онъ пришелъ ко мнѣ утромъ совсѣмъ зеленый. Я еще разъ объявилъ ему, чтобы онъ выбросилъ изъ головы глупыя подозрѣнія въ томъ, что я сомнѣваюсь въ его честности.

— Я сказалъ тебѣ, что ты розиня, повторяю это и теперь, а подозрѣвать тебя въ томъ, что ты взялъ себѣ сто рублей, мнѣ и въ голову не приходило.

На слѣдующій день онъ какъ будто повеселѣлъ.

— Я подалъ объявленіе въ газеты, говорилъ онъ, что нашедшій сторублевую бумажку на лѣстницѣ Взаимнаго кредита, если доставить ее къ вамъ, получить половину вознагражденія.

— Ну ужъ это совсѣмъ глупо. Такъ тебѣ и принесутъ, если выронилъ. Да и какъ могъ обронить изъ цѣлой пачки одну бумажку? Сколько заплатилъ за публикацію?

— Полтора рубля.

— Только полтора рубля бросилъ. И зачѣмъ было вынимать деньги на лѣстницѣ? Вынулъ бы передъ кассой.

— Самъ не знаю, такой ужъ грѣхъ случился; если обронилъ, такъ только на лѣстницѣ, потому, вынувъ изъ кармана, въ рукѣ держалъ деньги крѣпко.

— Да можетъ быть вытащили у тебя?

— Нѣтъ, шелъ одинъ, никого не было. Поэтому и деньги вынулъ на лѣстницѣ, что одинъ былъ.

Я, разумѣется, забылъ объ этомъ дѣлѣ. Тимофей былъ мраченъ, но обѣдалъ, и признаки отчаянія, какіе онъ проявилъ вначалѣ, не повторялись.

Какъ вдругъ, дня черезъ три-четыре мнѣ говорятъ, что какаля-то дама желаетъ меня видѣть.

Выхожу. Спрашиваю, чѣмъ могу служить.

— Я пришла по вашей публикаціи, говорить она.

— По какой публикаціи? Я ничего не публиковалъ.

— Итъ, вотъ публикація. И показываетъ мнѣ вырѣзку изъ газеты.

— Вѣдь номеръ вашей квартиры—второй?

— Да, второй, но только я ничего не публиковалъ.

— А относительно пропажи денегъ?

— Какихъ денегъ?

— Ста рублей, которые вы потеряли въ Обществѣ взаимнаго кредита.

Я такъ былъ убѣжденъ, что публиковалъ Тимофей понапрасну, что совсѣмъ забылъ даже объ этой публикаціи и, удивленный, молча смотрю на пришедшую барыню.

— Я подняла сто рублей на лѣстницѣ, говорить она, какъ именно и сказано въ публикаціи.

— Ахъ, извините пожалуйста; прошу садиться. Это, видите, не я публиковалъ, и объяснилъ, какъ было дѣло.

— Такъ это публиковалъ вашъ человѣкъ?

— Да.

— Видите, мнѣ очень совѣстно брать отъ него обѣщанные пу-

бликаціей пятьдесятъ рублей, но я женщина небогатая и, право, не знаю какъ быть.

— Пожалуйста не стѣсняйтесь. Я охотно приму эти пятьдесятъ рублей на себя и хотя сто рублей потерять непріятно, но дѣло это имѣть, главнымъ образомъ, нравственное значеніе: человѣкъ мой просто страдалъ отъ мысли, что я могу его заподозрить, да и мнѣ пріятно убѣдиться въ томъ, что я правъ былъ, не подозрѣвая его, хотя въ то же время ужасно страннымъ казалось, что выпала у него не цѣлая пачка, въ тысячу рублей, а только одна сотенная бумажка.

Надо было видѣть восторгъ Тимофея по случаю его полной реабилитаціи.

— Да вѣдь я же далъ тебѣ слово, что не подозрѣваю тебя.

— Такъ то такъ, а все думалось, что вы такъ только говорите, жалѣючи меня, а про себя думаете—не укралъ ли Тимофей? И онъ сталъ объяснять—какимъ образомъ сотенная бумажка при выниманіи изъ кармана могла завернуться и выскочить.

Мало того, что Тимофей былъ человѣкомъ самой безупречной честности, онъ отличался необыкновеннымъ благородствомъ. Ничего хамскаго въ немъ и признака не было. Много, много знавалъ я людей благороднаго происхожденія, даже титулованныхъ и высоко стоящихъ, даже хорошо и прекрасно образованныхъ, которые, по справедливости, заслуживали названіе второго Ноева сына, и, наоборотъ, знавалъ мужиковъ, безграмотныхъ, бѣдняковъ, которые были вполне джентльменами.

Такимъ былъ и мой Тимофей. Ни малѣйшаго низкопоклонства. Никогда онъ не смотрѣлъ въ руку, ни мнѣ, ни посѣтителямъ. Не преклонялся передъ щедрыми; также внимательно, хотя и сурово, оказывалъ услуги бѣднякамъ, какъ и богатымъ.

Мои же интересы соблюдалъ до смѣшнаго, до нелѣпаго.

Вотъ примѣръ.

Я жилъ вмѣстѣ съ первой женой въ Павловскѣ. Несмотря на высокія нравственныя качества жены, на почвѣ ревности съ ея стороны и вообще несходства характеровъ, у насъ вышли такіе нелады, что мы рѣшили разѣхаться. Я, больной, на костыляхъ, поѣхалъ къ Пирогову въ его имѣніе близъ Вишницы. Она съ дѣтьми—заграницу. Дача осталась на рукахъ Тимофея.

Пироговъ не далъ мнѣ даже надежды на то, что я разстанусь когда нибудь съ костылями, и, видя общую слабость организма, какъ слѣдствіе едва миновавшаго воспаленія легкихъ, послалъ меня въ Крымъ, гдѣ я и прожилъ болѣе полугода.

Возвращаюсь въ Павловскъ, хотя больной, но радостный, какимъ обыкновенно возвращается человекъ домой, къ привычной домашней обстановкѣ. Ужасно обрадовался, увидѣвъ радостныя лица Тимофея и Андрея и неистовый восторгъ главныхъ товарищей по охотѣ — сетеровъ.

Только смотрю Тимофей какъ то измѣнился, похудѣлъ.

— Что это съ тобой Тимофей? Отчего ты похудѣлъ, ужъ не влюбился ли?

На слѣдующій день подаетъ онъ мнѣ отчетъ въ полученныхъ имъ деньгахъ и произведенныхъ расходахъ.

Вижу расходъ черезчуръ микроскопическій.

— Да сколько же ты на себя то потратилъ? спрашиваю.

— Тамъ вотъ написано, говоритъ онъ.

— Да проѣлъ то сколько?

— Да написано же тамъ.

Не припомню теперь цифры, но она оказалась чудовищно мала. Что то вродѣ трехъ-четырехъ рублей въ мѣсяцъ.

— Позволь, пожалуйста, да что же ты ѣлъ въ это время? Какъ же ты на три-четыре рубля питался?

— Какъ же, отвѣчаетъ онъ крайне сурово: хлѣбъ былъ, опять таки чай. Чего жъ мнѣ больше нужно?

— Господь съ тобой, Тимофей, что же ты морилъ себя безъ горячей пищи? То-то ты похудѣлъ.

— Какъ же мнѣ горячее стряпать? Въ трактирѣ дорого, а бабы у меня нѣтъ.

Черезъ три мѣсяца, желая испытать всѣ средства разстаться съ ненавистными костылями, я отправился за границу. Приходилось позаботиться о Тимофее, и я уѣхалъ спокойный на этотъ счетъ, только когда, несмотря на его протесты, договорился съ женатымъ дворникомъ сосѣдней дачи на счетъ того, чтобы Тимофей получалъ ежедневно обѣдъ свой и ужинъ. Иначе онъ, право, заморилъ бы себя голодомъ.

Тимофей неизмѣнно былъ спутникомъ моимъ по охотѣ, хотя ходилъ безъ ружья и только носилъ мой патронташъ и ягдташъ, потому что, несмотря на очень хорошую физическую силу, я всегда отличался слабой грудью и ремень отъ ягдташа, полного дичью, давленіемъ на грудь, дѣлалъ меня никуда негоднымъ.

Вообще, несмотря на физическую силу и на то, что съ дѣтства былъ ружейнымъ охотникомъ, ходокъ я былъ неважный. Верхомъ на тряской фронтальной лошади, когда не было принято даже ѣздить рысью по англійски, я былъ неутомимъ и могъ дѣлать огромные

переходы, а пѣшкомъ уставалъ очень легко и всегда завидовалъ мужикамъ, товарищамъ по охотѣ, когда, утомленный, свалишься на траву, а тотъ стоитъ себѣ и не думаетъ садиться.

— Да ты бы присѣлъ, говоришь.— Вѣдь усталъ небось?

— Зачѣмъ уставать, нѣ, (нѣтъ), вѣдь это не работа. Такъ ходилъ только, слышишь въ отвѣтъ. Слышишь и завидуешь.

Тимофѣй также ходокомъ былъ неважнымъ и уставалъ такъ же легко, какъ и я. Правда и ходили мы съ нимъ по такимъ мѣстамъ, куда можетъ загнать только страсть охотника: по топкимъ болотамъ за бекасами, а еще хуже—по мховымъ, за бѣлыми куропатками. Сѣрыхъ на моей родинѣ, близъ Тихвина, мало, а бѣлыхъ—сколько угодно.

Доходишься до того, бывало, что нога завязнетъ въ топкомъ мховомъ болотѣ и вытащить ее не въ состояніи.

— Тимофѣй, я, братъ, больше идти не могу. Хоть мокро, а сяду. Ты, коли хочешь, выберись на сухое мѣсто и тамъ посиди.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, я тоже присталъ. Оно правда, что мокро, да что дѣлать.

Такъ съ четверть часа и сидишь на мокромъ мху, отдохнешь и, едва передвигая ноги, направляешься къ дому.

Но вотъ опять, совершенно неожиданно, Діана стала; стоитъ и умными глазами косится на меня.

Подхожу, говорю «авансъ», и вдругъ съ рѣзкимъ трескомъ вырывается въ десяти шагахъ цѣлый выводокъ бѣлыхъ куропатокъ. Выстрѣлъ, вслѣдъ за нимъ другой гулко нарушаютъ лѣсную тишину, и куда дѣлась усталость? Нельзя же бросить такъ выводокъ, надо взять хоть двѣ пары.

Если усталость дѣйствительно происходитъ отъ накопленія въ организмѣ продуктовъ разложенія и разныхъ птомаиновъ, то паразитально, какимъ образомъ съ неимовѣрной быстротой уступаютъ эти яды нравственному возбужденію. Это можетъ засвидѣтельствовать каждый охотникъ. Да и одни ли охотники! А влюбленный, на примѣръ? Какая усталость можетъ устоять противъ желанія видѣть и обнять любимую женщину?

Тимофѣй любилъ одѣваться очень чисто, а въ деревнѣ неотразимо поражалъ сельскихъ красавицъ, мѣняя скромный черный галстухъ на губительный ярко-красный или лиловый. Онъ держалъ себя при этомъ чрезвычайно гордо, и важнымъ видомъ такъ же, какъ чистымъ костюмомъ и яркимъ галстухомъ, покорялъ деревенскія сердца.

Не шутя, несмотря на невзрачную фізіономію, за которую

изгнала его отъ себя супруга дяди моей жены, въ деревнѣ онъ пользовался репутаціей сердцеѣда.

Разъ, въ Петербургѣ, подаетъ онъ мнѣ умываться и, со свойственной ему суровостью, просить разрѣшенія жениться.

Какъ ни былъ я удивленъ, но, разумѣется, объявилъ, что это его дѣло и, что хотя женитьба и представить для меня нѣкоторыя неудобства, но мѣшать ему не стану. Съ тѣхъ поръ онъ довольно часто сталъ проситься къ невѣстѣ. А въ одно изъ ея посѣщеній и я ее увидѣлъ.

— Что это, Тимофѣй Васильевичъ, говорю ему, невѣста твоя изъ себя никакъ невзрачная?

— Отчего невзрачная? Да у нее одной окруты (одежды) на себѣ рублей на шестьдесятъ будетъ.

Прошло недѣли двѣ-три.

— Что это вы, Тимофѣй Васильевичъ, шучу я, давно! къ невѣстѣ не проситесь?

— А ну ее къ чорту, получаю неожиданный отвѣтъ.

За первой невѣстой, годъ спустя, послѣдовала вторая, а тамъ еще черезъ годъ и третья, но дѣло неизмѣнно каждый разъ кончалось тѣмъ, что на вопросъ мой онъ отвѣчалъ: «А ну ее къ чорту. Раздумаль».

Когда за свою дѣятельность въ Свеаборгѣ я произведенъ былъ въ генералы, то увидѣлъ, что мой безподобный Тимофѣй пересталъ относиться ко мнѣ, какъ къ существу неразумному, бросилъ свою ворчливость, пересталъ доказывать, что все, чтобы я ни дѣлалъ, дѣлаю неумно, и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ началъ меня титуловать превосходительствомъ.

— Да что ты все «превосходительство, да превосходительство», называй какъ прежде—Александромъ Николаевичемъ.

— Нѣтъ, какъ же это возможно, отвѣчалъ онъ, и, увидѣвъ, что титуловать меня превосходительствомъ доставляетъ ему особенное удовольствіе, я поневолѣ примирился съ фактомъ.

Вообще, не знаю какъ другіе, но первые годы производства въ генералы я чувствовалъ себя крайне неловко отъ титулованія «превосходительствомъ». Въ концѣ-концовъ, естественно, помирился съ этимъ титулованіемъ; но до сихъ поръ, несмотря на тридцать второй годъ генеральства, предпочитаю, когда меня зовутъ по имени, и долго сохранялъ привязанность къ одной изъ второстепенныхъ петербургскихъ гостиницъ, именно потому, что прислуга и швейцаръ, воспитанные на московскій ладъ, на второй же день случайной остановки въ этой гостиницѣ, уже величали меня не превосходительствомъ, а просто Александромъ Николаевичемъ.

Возвращаюсь къ суровости Тимофея въ отношеніи «невѣсть». Оказалось что и «на Машку бываетъ промашка».

Хотя мнѣ и удалось совершенно неожиданно поправить свою ногу, послѣ усиленной дѣятельности въ Свеаборгѣ, я увидѣлъ, что грудь моя такъ плоха, что надо бросить сѣверь. Я поѣхалъ въ Ялту, оставивъ завѣдывать дачей въ Павловскѣ Тимофея.

Черезъ годъ получаю отъ него письмо, въ которомъ онъ проситъ разрѣшенія жениться на дочери дьякона нашего деревенскаго прихода, исполнявшей обязанность бонны у моихъ знакомыхъ. Дьяконъ давно умеръ, оставивъ нѣсколько дочерей, изъ которыхъ одна поступила въ услуженіе къ моей матушкѣ, а для другой мы устроилимѣсто бонны. Послѣдняя была очень неглупа, даже прямо— была умная, но хитрая и, признаться, несимпатичная. Она то вотъ и околдовала моего безподобнаго Тимофея. И свадьба состоялась.

Приѣхавъ на сѣверь, я засталъ уже Тимофея въ семейной обстановкѣ. Дѣтей у него не было и, хотя жена не была мнѣ симпатична, но я видѣлъ, что Тимофей семейной своей жизнью доволенъ. Тѣмъ не менѣе, жизнь порознь, частью и женитьба на существѣ мнѣ не симпатичномъ сдѣлали то, что Тимофей сталъ мнѣ менѣе близокъ.

Такъ прошло года три. Я жилъ въ Ялтѣ, онъ на дачѣ моей въ Павловскѣ.

Разъ получаю письмо, что Тимофей заболѣлъ. Простудился и кашляетъ.

Чтобы дать ему возможность поправиться, выписалъ его съ женой въ Ялту, но недугъ оказался настолько силенъ, что не помогъ и ялтинскій климатъ.

Тимофей умеръ въ моемъ отсутствіи, когда я былъ въ Петербургѣ.

Могиламъ, да и вообще праху человѣка я придаю мало значенія: то, что остается послѣ насъ, когда отлетѣло Богъ вѣсть куда одухотворяющее человѣка начало—право же представляетъ собою мало интереснаго. Но, возвратясь, въ Ялту, я всетаки зашелъ посмотреть скромную могилу Тимофея, и первое время часто, очень часто вспоминалъ этого честнѣйшаго, благороднаго человѣка.

Время, однако, все изглаживаетъ изъ памяти, и теперь не нашла бы даже его могилы.

Пусть же этотъ очеркъ, посвященный памяти моего несравненнаго Тимофея, замѣнитъ тотъ деревянный крестъ на его скромной могилѣ, который, безъ сомнѣнія, истлѣлъ уже отъ основанія до вершины.

А. Витмеръ.

